

Владимир Земша

*Эшелон:
полигон
«Либава». ЦГВ*

«На переломе эпох»

Владимир Земша

Эшелон: полигон «Либавя». ЦГВ

«Издательские решения»

2015

Земша В. В.

Эшелон: полигон «Либава». ЦГВ / В. В. Земша — «Издательские решения», 2015

О буднях солдат и офицеров в Центральной группе войск в Чехословакии в конце восьмидесятых. Взгляд в будущее, воспоминания прошлого. Надежды на светлое грядущее и тяготы и лишения настоящей воинской службы. Без прикрас взглядом очевидца и участника событий. (Отрывки из романа «На переломе эпох»)

Содержание

Эшелон	6
Выгрузка	11
Перед атакой	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

**Эшелон: полигон «Либава». ЦГВ
«На переломе эпох»**

Владимир Валерьевич Земша

© Владимир Валерьевич Земша, 2015

© Владимир Земша, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Эшелон

*г. Ружомберок – полигон на Либаве
9 Марта 1988 г.
Седьмая рота*

Мартовский снег сменился дождём. Погрузка закончилась. Колючие капли дождя со снегом стучали в окна грязных вагонов. Намокшая вовремя погрузки форма начала подсыхать, в холодном сыром воздухе появился запах дыма из ржавой печи, стоящей посередине вагона.

Солдаты копошились, переключивали набитые вещмешки, снимали промокшие грязные, у некоторых рваные и прожжённые бушлаты.

(В словацких вагонах нет полок, есть только сидения, разделённые подлокотниками. А сверху – багажные сетки.)

Вскоре, под багажными сетками, гамаками закачались плащ-палатки. Лежащие в этих «гамаках» снизу напоминали тюки. Это была единственная возможность принять горизонтальное положение. И поэтому это сооружение казалось лучше всяких перин. В данный момент, в данном временном измерении лишь это была единственная существующая реальность. Всё иное, мягкие матрасы, уют и тепло остались безнадежно в прошлом. Так странно устроено время, настоящее только и кажется единственной реальностью.

Время течёт себе не спеша, но неумолимо просачиваясь сквозь пальцы, как песок. Медленно. Не торопясь. А потом – бух, и всё! В какой-то миг, в один только миг, всё переворачивается снова, и жизнь начинает бежать уже в другом измерении, и уже это есть новая объективная реальность. А всё, что казалось ещё реальным недавно – уже где-то там, как во сне, за толстым стеклом, словно мираж... А есть ли она, эта самая реальность?! Или весь окружающий нас мир – только лишь мираж. Только миг, который нужно пережить?

Итак, под багажными сетками, гамаками качались плащ-палатки. Как обычно, спали в них по очереди...

– Ну что, пора, – ротный улыбнулся и громыхнул заранее приготовленными бутылками. Старшина вытащил хлеб, тушенку, консервированную кашу в банках. Офицеры, приободрившись, доставали, что у кого было на такой случай.

Солдаты, повыбрасывая в окна опустошённые банки из-под сухпайка, спали, некоторые всё ещё продолжали жевать, о чём-то говорили. Женя Бедиев попытался вытянуть затёкшие ноги, но вещмешок, принадлежавший рядовому Челябинцаде, мешал и Женя не решался спорить. Сзади Разорёнкин, выбросив в окно бутылку из – под «Боровички», тайком от офицеров припасённую заранее, пьяно ржал с сотоварищами.

– Водка враг солдата – но солдат врагов не боится!

Здесь всё было в куче: торчали сапоги, висели портянки, качались «гамаки», буграми лежали вещмешки с торчащими черенками сапёрных лопаток, оружие, «сухпайковые» консервные банки и сухари, дрова, ящики с «матбазой».

Офицеры отделили себе место плащ-палатками. Там было немного лучше.

– Где тушёнка? – орал старшина. Ротный, капитан Несветайло, как-то краснея пятнами, вопрошал к солдатам:

– Ну ё-маё, что же, тушёнка то где-е, а-а?

Женя видел, как Разорёнкин сунул одну из банок, переданную офицерами разогреть настоящей посередине вагона буржуйке, под бушлат. Се-ля-ви!

– А чего младший сержант Никаноров скажет? Я тебе, боец, банку передавал! А-а?

– Я-я э-э-э не-е-знаю! – Никаноров опустил глаза.

– Э-э-э, не зна-а-ю! – передразнил ротный. – А кто-о знает? Целый младший сержант, а ни хрена не знает! Разжаловать бы тебя давно пора до рядового! Ничего, вот с учений вернёмся, разжалую! Нечего пагоны позорить. Чудо в перьях, ё-маё!..

– Ну, да ладно, давай! – раздался голос ротного и кружка пошла по офицерскому кругу.

Стало тепло и бодро. Жевались консервы, хрустел сочный ароматный ядрёный лук, горели щёки. Говорилось легко. Говорилось обо всём, о чём обычно говорят за бутылкой: о службе, потом о женщинах, потом опять о службе. Взводный лейтенант Майер раскачивался в «плащ-палаточном гамаке». Молчал. Его воротило от всех этих запахов. Его сильно мутило после бурного празднования восьмого марта вчера. Пробивался сквозь поры пот. Выпитый чай, казался креплёным вином. В голове снова замутило, опустилось тошнотворными волнами в желудок, которые вновь и вновь подкатывались рвотными позывами к горлу... Внизу слышался балаган слегка поддавших офицеров...

Доносился и нетрезвый голос старшины-прапорщика Васьки Будило.

– Журнальчик хотите полистать? – он вытащил запрещённое в Союзе эротическое издание.

– А ты чё, не все ещё журнальчики на подсумки для магазинов, да снаряжение у начальника артвооружения поменял?

– А я ему с возвратом даю! Он полистает, потом возвращает. Потом – новые ему подгоняю... – старшина махнул рукой.

– А снаряжение он тебе тоже с возвратом даёт? – ухмыльнулся замполит старший лейтенант Хашимов.

– А снаряжение я получаю безвозвратно! – старшина был доволен собой.

– А мэня картынками нэ обманешь! Мне живую жэншыну подавай!

– Так не теряйтесь, товарищ замполит! Давайте, идите, крутите нашу Ленку! – ехидно лыбился прапорщик.

(Ленка – медсестра, сопровождавшая эшелон, довольно смазливая на лицо, но обладающая невероятно толстыми ногами, словно слоновыми тумбами, так предательски портившие эту очаровашку, которая, при всём при том, слыла ещё той недотрогой! Ибо изобилие горячих голодный парней вокруг не только вселяло в неё уверенность, поднимая самооценку до нереальных высот, ни и внушало благоразумие, когда один неосторожный поступок мог навсегда изуродовать её девичью репутацию, поставив толстый крест на её шансы на семейное благополучие. А что ещё есть важнее этого для, практически любой, нормальной женщины?..!)

– Крутите, пока она ещё свеженькая, чистенькая! А то через пару дней к ней будет не подойти! Протухнет на полигоне-то! Ах-ха-ха, – пьяной пошлостью ржал старшина.

– Да у неё кардан как у БТРа! – Хашимов развёл руки перед собой, словно держал этот самый «кардан».

– Да на безбабье и БТР – баба, давай, топай. А то я пойду! – усмехнулся капитан Несветайло.

– Ну, мать моя женщина!.. Вот вы и идите... уступаю вам енту почётную миссию! Кстати, Майер! Ты как там, очухался, нет?! – Хашимов тряхнул висящий над головок гамак... – мож ты прогуляться хош?.. Или головка всё ещё бо-бо?! А-а?..

Спиртное вскоре полностью переключалось из стеклянной тары в жилы офицеров и темы, как в том анекдоте, резко сменились в пользу службы... И примерно через час офицеры уже вели оживлённую беседу о предстоящих учениях, о тупости старших командиров, о бестолковости солдат, о службе, как таковой. А в вещмешке на полу отдыхали опустошённые бутылки из-под «живительной сорокоградусной влаги», так сильно стимулирующей, до определённой стадии, активность как мозга, так и языка... но всё же лишь до определённой стадии, после которой наступает резкое безудержное падение вниз, как с «русской горки».

В солдатской части вагона, отгороженной плащ-палаткой, почти все утомонились. Бойцы единодушно «давили фазу». Бедиеву не спалось. Он-таки вытянул свои затекшие ноги. Буряк рядом продолжал что-то дожёвывать. (Видимо знал старую народную мудрость, гласящую так: «кто долго жуёт, тот долго живёт».)

– Никаноров, ты настоящий друг, последним хавчиком с товарищами поделился, – он повернул голову в адрес товарища.

– Да, Никаноров, я давно хотел сказать, ты классный пацан! Бескорыстный. Щас таких мало! – вторил ему Бедиев. – Ты нас держись, вместе как-то сподручнее будет. Вот, на тебе, будешь? – он протянул Никанорову галету.

На лице Никанорова обозначилось какое-то просветление. Он протянул руку за галетой. Было очевидно, что этому одинокому человеку, занявшему нижайшее место в армейской неформальной иерархии, любое человеческое отношение было не безразлично. Он взял галету, повертел.

– Спа-а-си-бо!

Потом сунул руку в карман, нащупал холодный корпус патрона от АК—74, вытащил его. Повертел, задумался. Дурные мысли, наполнявшие его голову ранее, как то вдруг отступили, словно снялся спазм. Он выбросил патрон в приоткрытую форточку вагона. На душе стало легче. Снова хотелось жить. Словно бабочка села на чашу внутренних весов в пользу решения «нужно жить»!

(Ведь порой добрая фраза, улыбка, одобрение дают человеку надежду и спасают жизнь. Найдите хоть одного человека, который не ждет признания обществом, уважения, поддержки и любви близких. Мы все с удовольствием принимаем это, порой, как должное, но дарим ли мы столько внимания тем, кто его ждет от нас? Не стесняйтесь сообщить человеку как хорошо у него что-то получилось, или как здорово он поступил. Скажи вслух то, что отметил глубоко внутри собственных мыслей. Если мы все научимся замечать тех, кому нужна наша поддержка! Задумайтесь об этом сейчас и спешите сообщить об этом людям, которых вы знаете. Возможно тогда, мы не только на похоронах будем узнавать каким замечательным, оказывается, был тот или иной человек... Ведь лежа в гробу, он уже этого не услышит. Не бывает пресыщения добром и любовью! Спешите, чтобы Вас услышали. Не оправдывайте свое равнодушие занятостью. И тогда в Мире меньше будет желающих свести счеты с жизнью.)

Никаноров мирно уснул, согретый тем, что он не одинок и есть люди, осмелившиеся протянуть ему руку тогда, когда многие этого уже боялись сделать, дабы не уронить тень на собственную репутацию.

– Везёт же Сане Исаеву! Сидит себе на свинарнике! Лафа-а! – Буряк мечтательно закрыл глаза.

– А чё там хорошего? – посмотрел на него Бедиев.

– А чё хорошего здесь вот?

– Здесь – ничего, но и там, что там? Сидит Исаев, хвосты свиньям крутит. Хотел поваром в столовую попасть. Попал было, вроде, но не надолго. А по мне хоть в столовой, хоть на свинарнике... не моё это! Но свинарник – это вообще стрём! Даже не завидую!

– Саня сам захотел на свинарник, подальше от полка. Подальше от этого зверинца! – Буряк повёл глазами в сторону своих азиатских сослуживцев.

– Оно так, только что он потом на гражданке говорить будет, дескать, в армии служил, хвосты пороссятам крутил! Во лафа!

– А по мне бы и так. Мне это занятие привычное! Почти как дома! У нас в Белоруссии народ хозяйственный, не то, что у вас!

– А чё у нас, бесхозяйственный, что ли?

– Ну, типа того! Вот и тебе в свинарнике работать впадло!

– Ну впадло – непадло, так и что! Если я не крестьянин, то это не значит, что я бесхозяйственный, что ли?

– Ладно, – Буряк протянул Бедиеву горбушку хлеба, – на, пожуй!

– Эх, итит твою за ногу! Как медленно мы едем, – Бедиев сменив тему, откусил кусок хлеба.

– Угу, – сквозь жёвку ответил Буряк.

– У нас, на БАМе, в Верхнебуреинском районе, когда участок железной дороги сдавали, понаехало шишек тьма. Они захотели проехать в вагоне. Так их тянули ещё медленнее, чем нас. Впереди шёл человек по рельсам. А за ним поезд! Прикинь!

– А чё так? – открыл набитый рот Буряк.

– Да рельсы-то на скорую, на мерзлоту накидали, чтобы в сроки уложиться. А по нормальному, насыпь нужно не один год укатывать! Мерзлота! Эт тебе не твой Бобруйск! Подтаивает постоянно, грунт оседает. Рельсы могут в любой момент разбежаться. И тогда поезд улетит к японской матери! Вот там «люди в штатском» и суетились. Рельсы впереди шли, щупали там, ни кто попало!

– А эти шишки что, не заметили что ли ничего?

– Заметили: «Чё так медленно тянемся», – спрашивают, а им в ответ: «А это что б вы могли нашими окрестностями полюбоваться! Видите, как тут чётко, какая у нас тут красотища! Спешить некуда. Времени навалом!»

– Уссаться можно...

– Эт шо-о! Там ещё и другой прикол был перед этим. Там придумали забить в шпалу последний «серебряный» костыль. Привезли его, блестящий такой, в коробочке с бантиком. А кто-то взял и стянул его! Прикинь! Подумал, что костыль тот и впрямь серебряный!

– А он какой был?

– Ну, хрен его знает. Ну, ты чё!? Ну, хромированный, наверное.

Так коробку открывают, – а там – итит твою за ногу! Пусто! Все сбились с ног. Ищут, а всё бестолку. Пришлось выкручиваться. Взяли обычный костыль, да быстренько его серебрянкой помазали и всех делов. Никто особо даже подмены и не заметил! А как комиссия разъехалась, так сняли все рельсы и ещё год или больше насыпь укатывали! А награды все получили! В местном бамовском музее даже эту памятную дату обозначили! Во, как оно у нас бывает!..

Здесь, в Чехословакии, хоть и не было мерзлоты, эшелон тянулся медленно, часто останавливаясь. На остановках некоторые солдаты прыгивали на землю, демонстрируя из-под растянутых кителей нижнее бельё, разминали кости, дурачились, из окон вагонов продолжали вылетать пустые консервные банки. Офицеры стояли кучками, курили, загоняли разболтав-

шихся солдат назад в вагоны, покрикивали. В голове эшелона вдоль платформ с техникой прогуливались часовые...

Выгрузка

Полигон на Либаве

Эшелон издал скрип и остановился. В ночи раздавались команды. Освобождались вагоны. Разгонялось тепло сновидений холодным ветром полигона. С платформ поползли горбатые коробки БТРов, выстраиваясь в колонну. Прошло больше часа в суете, криках, стуках кувалд, выбивающих колодки из-под колёс, закреплённых на платформах БТРов. Пехота, основательно продрогнув, приступила к погрузке на машины. Светало. Рассвет холодным туманом застлал пространство. Руки хватались за влажные грязные скобы на бронемашинах, открывали люки. Солдаты забивались внутрь железных коробок, издающих тепло, вперемежку с оружием, вещмешками и прочим имуществом.

– Ротного к комбату! – Раздался сиплый голос ЗНШа.

Из-под макушек хмурых сосен медленно всплывало утро....

– Водителей и старших машин в голову колонны! – прозвучала долгожданная команда, предвещающая начало движения.

После короткого инструктажа все заняли свои места. Зарычали двигатели. Дёрнулась с места головная машина и вся колонна устремилась вперёд...

Лейтенант Майер, немного пришедший в себя, качался в люке БТРа. Желудок на ухабах продолжал сокращаться. Лингафон сжимал горло, которое жадно глотало холодные потоки воздуха. Но мозг работал чётко. Был обязан! На похмельный синдром не было ни времени, ни права. А, тем более, в такое время, когда свирепствует «сухой закон»! Другими словами ни одна посторонняя душа не должна была понять или хоть как-то заподозрить, чего стоит этому лейтенанту так держаться. Ответственность за своё разнузданное подразделение, за здоровье вверенных многонациональных солдат и честь советского офицера вытесняла вместе с потоками холодного пота дикое, почти животное желание упасть ниц и валяться с дикой головной болью и выворачивающимся желудком на кровати, как позволил бы его любой гражданский двадцатиоднолетний сверстник...

Перед атакой

*Либавский полигон, Моравия
10 Марта 1988 г.*

Полигон. Рассвет. Небо затянуто тучами. Батальоны заняли исходные позиции. БТРы сгруппировались на поляне. Офицеры дорабатывают карты. Дымятся полевые кухни. Прыгают на ухабах машины обеспечения, суетятся старшины. Грязные неуклюжие солдаты вытаскивают котелки. Другие с сержантами под руководством офицеров набивают магазины, пулемётные ленты, обладатели РПГ прикручивают зелёные цилиндры пороховых зарядов к противотанковым гранатам. Офицеры решают, кому из солдат доверить ручные осколочные гранаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.